

Максим Шарапов

Без дураков

Максим Шарапов

Без дураков

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Шарапов М. Э.

Без дураков / М. Э. Шарапов — «У Никитских ворот», 2019

ISBN 978-5-00095-897-1

В жизни у каждого были встречи с дураками. Но дураки ли это были? Бывают ситуации, когда дураки и умные не по своей воле меняются местами, и тогда начинается ТАКОЕ! О том, может ли общество выжить без глупых людей и что делать, если их становится слишком много, читайте в сатирическом рассказе «Без дураков», который открывает сборник Максима Шарапова. В книге собраны рассказы разных лет. Юмористические и грустные, сатирические и философские, они вызывают очень разные, но всегда сильные эмоции. Оригинальные сюжеты и непредсказуемые развязки удержат внимание читателя до самого конца и заставят задуматься после того как перевернута последняя страница. А еще на страницах книги появятся образы героев, которых оживила для вас художник Ольга Шарапова.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00095-897-1

© Шарапов М. Э., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Без дураков	5
Часть первая	5
Часть вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Максим Шарапов

Без дураков

Без дураков

Часть первая

Проход Петрович стоял на широкой террасе своего кабинета и смотрел на крыши старого города.

До конца рабочей недели оставалось еще полдня, но уже хотелось сбежать из офиса в загородный дом, под сосны, где вечером соберутся близкие друзья, выпьют по бокалу хорошего вина, пожарят мясо на углях...

В кабинете зазвонил телефон. По звуку было понятно, что звонили из его собственной приемной, поэтому Проход Петрович пошел к столу неспешно. Взял трубку:

– Да. – Дела крупной государственной корпорации не отпускали.

– Проход Петрович, – раздался голос секретарши, – к вам Андрей Максимович просится.

– Что там у него? – поморщился Проход Петрович.

– Говорит, неотложное дело.

– Ну пусть заходит...

В дверь постучали.

– Разрешите, Проход Петрович? – В дверях показался молодой человек лет тридцати в деловом костюме и галстук.

– Проходи, Андрей. – Проход Петрович сидел за своим столом без пиджака, ворот рубашки был расстегнут. – Здесь поговорим или на террасу выйдем?

– Лучше здесь. – Андрей Максимович остановился у стола.

– Что-то случилось? – Проход Петрович насторожился. Разговор в кабинете, по негласной договоренности между ним и его заместителями, предполагал повышенную серьезность темы.

– Пока нет, но чувствую, что случится неизбежно. – Андрей Максимович продолжал портить пятничное настроение.

– Пойдем на диван тогда. – Проход Петрович поднялся, прошагал к белому кожаному дивану и опустил на него свое крупное тело. – Садись, – похлопал ладонью рядом с собой.

– Неделю назад вышел на работу новый начальник управления стратегического развития, – начал Андрей Максимович, – тот, которого вам министр транспорта посоветовал... Помните?

– Помню, конечно, – кивнул Проход Петрович.

– Мы же его безо всяких собеседований приняли, по рекомендации. – В голосе Андрея Максимовича промелькнул легкий упрек. – Знаете, какой у него профессиональный опыт?

– Не знаю... – Проход Петрович начинал хмуриться. – Думаешь, мне стоит знать такие мелочи?

– Думаю, стоит. Он закончил транспортный техникум, работал водителем, потом, я навел кое-какие справки, женился на племяннице министра, – Андрей Максимович сделал паузу, но Проход Петрович смотрел куда-то в сторону, – сразу возглавил автобусный парк, потом зарегистрировал свою транспортную компанию, которая через два года успешно разорилась... А теперь он переехал к нам начальником управления.

– Ну и что? – повернулся к нему Проход Петрович.

– А то, что мы в нашей корпорации не автобусы производим, а создаем искусственный интеллект!

– Отлично, вот и включи его в группу по разработке беспилотных транспортных средств. Как раз его тема!

– Он пилотные-то все развалил, Прохор Петрович! Да ладно, – Андрей Максимович махнул рукой, – вы же сами всё прекрасно понимаете.

– Да, я понимаю, – Прохор Петрович всем телом развернулся к Андрею Максимовичу, – я понимаю, что нам этот транспортник как лишние уши на голове! Но министр транспорта наш союзник в правительстве, и отказать ему я не мог! Ничего, пристроишь куда-нибудь, одного.

– Одного?! – Андрей Максимович вскочил с дивана. – Если б одного, я к вам и не пришел бы! Но у меня в заместителях уже чей-то бывший тренер, который только и знает, что целыми днями жмет штанги в нашем фитнесе, бывший полковник дорожно-патрульной службы, который каждый час шлет мне веселые картинки из интернета... И мне приходится ему отвечать, нельзя же такого человека обидеть! Да и не только они. Вспоминать не хочется... Прохор Петрович, почему всех к нам ссылают? Неужели других мест нет?

– Наверное, всем кажется, – Прохор Петрович закинул ногу на ногу и рассматривал свои ногти на правой руке, – что искусственный интеллект легче развивать, чем свой собственный.

Андрей Максимович вернулся на диван, заговорил спокойнее:

– Прохор Петрович, я все понимаю: политические отношения, необходимая поддержка на разных уровнях. Все это важно, конечно. Но критическая масса дураков у нас переливает за край! С этим нужно что-то делать. Мы с ними не только искусственный интеллект не создадим, мы и свой скоро растеряем.

– Да ладно? – Прохор Петрович взглянул на своего заместителя.

– А спросят в итоге с вас, – давил на больное Андрей Максимович. – Эти люди с низкой научной любознательностью уже всю корпорацию заполонили, и отступить некуда: или мы их, или они нас.

– Боюсь, что шансы наши тогда невелики, – проговорил Прохор Петрович, – я ни одной организации еще не видел, чтобы в ней всех дураков извели.

– Нам бы хоть квоты снизить.

– Ладно, – Прохор Петрович хлопнул себя ладонью по коленке и посмотрел на часы, – сейчас поздно уже. Давай в понедельник соберемся узким кругом. Подумаем, что можно сделать.

– Обещаете?

– Обещаю...

В понедельник Прохор Петрович приехал на работу, как обычно, к десяти утра. Важных совещаний в правительстве не было: день обещал быть спокойным. Он выпил чая, завизировал несколько бумаг, лежавших в папке с надписью «На подпись», повернулся к зазвонившему внутреннему телефону. На маленьком экранчике высветилась фамилия Андрея Максимовича, и Прохор Петрович сразу вспомнил о забытом уже обещании. Потянулся к трубке, но передумал и на звонок не ответил. Откинулся на спинку кресла, задумался.

Дураков Прохор Петрович тоже не любил, но за свою шестидесятилетнюю жизнь уже свыкся с их существованием, как привыкают люди к плохой погоде. Он давно осознал, что дураки совершенно неистребимы и удивительно живучи и каким-то непостижимым образом всегда прилипают и к богатству, и к власти, и к наградам. Одновременно он понимал, что, несмотря на неизбежность глупости, с дураками все-таки надо бороться, иначе они, как плесень, испортят все хорошие дела и честные мысли. Но как же это утомляло!

Прохор Петрович потянулся к телефону и набрал своего заместителя.

– Андрей, привет! – сказал в трубку. – Ты про совещание помнишь? Конечно, в силе, я же обещал. В двенадцать всех соберу.

Ровно в двенадцать часов за столом в рабочем кабинете Прохора Петровича сидели все его четыре заместителя. Андрей Максимович, руководивший перспективными разработками, Вячеслав Станиславович, отвечавший за связи с партнерами, Степан Александрович, курировавший аналитическое направление, и Елена Аристарховна, занимавшаяся внутренней административной деятельностью.

Окно на террасу было открыто, и теплый день дышал там запахом свежего хлеба, который готовили в пекарне недалеко от их офиса.

– Коллеги, – начал Прохор Петрович, – у нас сегодня совещание необычное, и посвящено оно, – Прохор Петрович замаялся, – скажем так, нашим не очень профессиональным сотрудникам.

– А разве у нас есть такие? – удивилась Елена Аристарховна.

Ее большая, сорокадевятiletняя голова с высокой прической по очереди посмотрела на участников совещания.

– Это я как раз и хочу понять. – Прохор Петрович не отпускал инициативу. – Вот у вас, Вячеслав Станиславович, – он посмотрел на красивого мужчину лет сорока в идеальном брендовом костюме, – есть у вас в подчинении сотрудники, которых вы считаете слабыми и мешающими развитию нашей корпорации?

Осторожный Вячеслав Станиславович взглянул на Прохора Петровича, пытаясь угадать в его лице направление своего ответа.

– Смотря что вы имеете в виду, Прохор Петрович, – ответил уклончиво.

– Я, Вячеслав Станиславович, задал вам совершенно конкретный вопрос: есть ли в ваших подразделениях люди, которые не справляются со своими обязанностями?

– Таких, чтобы совсем не справлялись, нет. Но уровень компетенции, конечно, разный.

– А зачем вы держите людей с низкой компетенцией?

– Каждый человек полезен на своем месте...

Прохор Петрович краем опытного глаза видел, как ерзает на своем месте Андрей Максимович, которому не терпится уже напрямую сказать о всех дураках и выгнать их к черту без пособий и компенсаций. Молодой заместитель напоминал Прохору Петровичу его самого в прошлом: неравнодушного, искренне болеющего за дело. «Пусть попробует, – решил Прохор Петрович, – интересно понаблюдать, как он будет бороться с теми, кого мне победить не удалось».

– Ладно, – глава корпорации положил руки на стол, – поставлю вопрос жестче, тем более что у нас тут все свои.

Вот, Андрей Максимович полагает, что в нашей корпорации развелось слишком много дураков.

Прохор Петрович замолчал и взглядом пригласил Андрея Максимовича продолжить тему.

– Вы действительно так считаете? – поразила Елена Аристарховна.

– Да, – Андрей Максимович отступать не стал, – а вас это удивляет?

– И кто же, например, у нас главный дурак?

– Про главного не знаю, я иерархию не выстраивал, – сказал Андрей Максимович. – Но пустых людей у нас развелось немало, и они начинают сильно мешать общей работе.

– Ну все-таки, назовите хоть одного? – не унималась Елена Аристарховна. – Я вот даже не знаю, на кого подумать. – Она развела руками и посмотрела на своих коллег. – У нас люди разные, но дураков я не встречала. Все себе на уме.

– От замаскированных дураков не легче, – негромко проговорил Андрей Максимович.

– И все-таки без конкретных персонажей нам в этой беседе не обойтись, иначе она будет бессмысленной. – Степан Александрович потрогал свою аккуратную бородку и сложил руки на сытом, раздвигающем полы пиджака, животе. – Мы же чего хотим в итоге? Составить список и избавиться?

– Можно составить список и наградить! – засмеялся Вячеслав Станиславович.

Проخور Петрович улыбнулся.

– Если вы хотите пройтись по персоналиям, пожалуйста. – Андрей Максимович выпрямился за столом. – Могу начать с себя. Например, один из моих заместителей – бывший тренер по боксу, мастер спорта...

– Вы про Игоря Аскольдовича? – догадалась Елена Аристарховна. – Так какой же он дурак?! У него приличный дом в хорошем месте, с бассейном, служебная машина, на работе бонусы и социальный пакет. Дураки так не живут!

– Вот именно, – возмутился Андрей Максимович, – дураки так жить не должны!

– Так, значит, он и не дурак вовсе, раз прилично живет, – парировала Елена Аристарховна.

– Так это мы с вами ему и машину служебную дали, и бонусы! – все больше заводился Андрей Максимович. – А заслуживает он этого? Он же по факту только нашим фитнес-центром руководит!

– А мне любопытно, – Степан Александрович опять потрогал свою бородку, – а вы, Елена Аристарховна, откуда про дом с бассейном знаете?

– Я? – встrepенулась Елена Аристарховна.

– Ну вы же нам сейчас про его приличный дом и про бассейн рассказывали?

– Я! – с вызовом ответила Елена Аристарховна. – И что?! Да, была в гостях один раз. Ели шашлыки у него на дне рождения. Это криминал?

– Да боже упаси! Кто говорит о криминале! – развел руками Степан Александрович. – Просто интересно, какая глубина бассейна...

– Нормальная глубина, два метра, – быстро ответила Елена Аристарховна.

– Действительно хорошая глубина, – согласился Вячеслав Станиславович и переглянулся со Степаном Александровичем.

– Я вообще не понимаю, что вы прицепились к Игорю Аскольдовичу, – занервничала Елена Аристарховна. – Он в нашем фитнес-центре всех бесплатно консультирует, подсказывает, как лучше разные мышцы разминать. Поддержит, поможет. Все женщины очень довольны. Нам что, кроме него и обсудить некого?

– Поверьте, есть кого, – пообещал Андрей Максимович, – но что делать с Игорем Аскольдовичем?

– А зачем с ним что-то делать, я никак не пойму? – Елена Аристарховна поджала нижнюю губу. – Голосовыми технологиями у вас целое управление занимается, человек двадцать, а такой фитнес-профессионал у нас один на всю корпорацию! Если мы его уволим, все женщины возмутятся, и мы дестабилизируем внутреннюю обстановку!

– Елена Аристарховна, да не переживайте вы так, – примирительно сказал Прохор Петрович. – Мы пока никого никуда не увольняем. Мы просто обсуждаем острую тему в первом, так сказать, приближении...

– Вот именно, в первом, – Елена Аристарховна демонстративно отвернулась от Андрея Максимовича, – а то некоторые уже слишком приблизились!

– Давайте еще кого-нибудь обсудим, – предложил Вячеслав Станиславович и поправил голубую запонку на манжете рубашки.

– Хорошо, – согласился Андрей Максимович. – Я думаю, все знают Виктора Леонтьевича...

– А что с ним такое? – заволновался Степан Александрович.

– С ним как раз все в порядке, – ответил Андрей Максимович, – бывший полковник дорожной инспекции занимает у нас должность начальника управления разработки бесконтактных технологий. Как вам такое сочетание?

– Виктор Леонтьевич, конечно, умом не блещет, – согласился Вячеслав Станиславович, – я, признаться, уже устал комментировать прикольные картинки, которые он рассылает...

– Вам тоже шлет? – перебила его Елена Аристарховна. – А я думала, он только меня так выделяет.

– Он всех выделяет, – подтвердил Степан Александрович.

– Но с другой стороны, – продолжил Вячеслав Станиславович, – нельзя отрицать и очевидной пользы от Виктора Леонтьевича.

– И какая же от него польза? – поинтересовался Андрей Максимович. – Прикольными картинками всех развлекать?

– Он всей корпорации водительские права возвращает, – негромко сказал Степан Александрович, – если кто двойную сплошную пересечет или на красный свет случайно проедет. А вы не знали?

– Не знал, – немного растерялся Андрей Максимович и посмотрел на Прохора Петровича, который кивнул, подтверждая, что и он в курсе.

– И берет недорого, – заверил Вячеслав Станиславович, – всего бутылку хорошего виски. Незаменимый человек!

Прохор Петрович повернулся за столом, нажал кнопку:

– Анечка, – обратился по громкой связи к секретарше.

– Да, Прохор Петрович?

– А принеси нам чаю и печенье какое-нибудь.

– Хорошо. Есть еще орешки и варенье клубничное. Нести?

– Неси. – Прохор Петрович отключил телефон, посмотрел на своих заков. – Давайте продолжим обсуждение за чаем. Елена Аристарховна, пойдем пока на террасу, хочу с тобой один документ обсудить...

– Да, удивительно у нас все устроено, – Степан Александрович закинул руки за голову и потянулся, – кругом полезные люди.

Вячеслав Станиславович погрузился в свой смартфон и отвечал на чьи-то письма, Андрей Максимович задумался. Он не был наивным человеком, но прохладная реакция коллег на свое предложение его раздражала. Ему хотелось рывка, новых открытий, быстрой реализации задуманного, но вместо этого он все больше погружался в рутину бессмысленных обсуждений и согласований, которые засасывали в глупость любую инициативу. И эта глупость жила не сама по себе, ее несли в себе люди, работавшие с ним на одних этажах и от которых никак не получалось избавиться. Казалось бы, чего проще – провести самоочищение корпорации от дураков! Но эта совершенно очевидная и, казалось бы, простая задача начинала постепенно выворачиваться наизнанку.

В кабинете появилась Анечка с подносом в руках. На нем теснились чашки с чаем, печенье, розетки с орешками и клубничным вареньем. Даже с подносом Анечка выглядела восхитительно: красное обтягивающее платье с широким декольте, стройные ножки, большие глаза и яркие губы... Сложно было заставить себя смотреть на что-то кроме Анечки, пока она представляла на столе сладости.

Проводив взглядом секретаршу Прохора Петровича, Степан Александрович почмокал губами и отпил ароматного чаю. Поставил чашку на блюдце:

– Пока мы одни, – посмотрел на Андрея Максимовича, – честно вам признаюсь: я тоже замечаю у нас немало неумных людей. И даже отбиваюсь иногда от них, когда получается. Но если они уже здесь, среди нас, я отношусь к ним совсем иначе, чем вы. И в этом между нами принципиальная разница.

– А разве можно к дуракам по-разному относиться? – посмотрел на него Андрей Максимович, поперхнулся клубничным вареньем, закашлялся, прикрыл рот рукой.

Вячеслав Станиславович наклонился к нему и несколько раз хлопнул по спине:

– Это вас дураки так распирают. Берегите себя!

– Конечно, можно по-разному! – продолжил Степан Александрович. – Мы с вами тому хороший пример. Я готов поспорить, что мое отношение к ним более продуктивное, чем ваше. Да, да, не удивляйтесь, я совершенно искренне считаю, что они очень, – он повторил еще раз, – о-очень полезные иногда люди. Жить без них будет сложнее!

– Вы это серьезно? – посмотрел на него Андрей Максимович.

– Абсолютно! – подтвердил Степан Александрович. – Вот, например, униженный вами Игорь Аскольдович. Он, конечно, полный кретин, никто в этом и не сомневается, но к нему в фитнес-центр ходит не только наша незабвенная Елена Аристарховна, но и Анечка, которая поддерживает там свои прекрасные формы. А потом приносит Прохору Петровичу такое вкусное клубничное варенье и... – Степан Александрович взглянул на Вячеслава Станиславовича, призывая его в свидетели.

– И поднимает ему настроение, – поддержал его Вячеслав Станиславович.

– И когда она его поднимает, – Степан Александрович сделал многозначительное лицо и понизил голос, – и когда она его поднимает, а происходит это обычно с одиннадцати до одиннадцати тридцати по вторникам и пятницам, то и важные деловые вопросы в нашей корпорации решаются заметно быстрее. Нужно только попасть на прием в этот кабинет, – Степан Александрович легонько похлопал ладонью по столу, – в районе двенадцати, принести готовые бумаги и сказать, что подписание не требует отлагательств.

Андрей Максимович был несколько обескуражен такими неожиданными талантами Игоря Аскольдовича, да и самой Анечки. Проработав в корпорации уже полгода, он даже не догадывался о волшебных часах, существовавших в графике Прохора Петровича. А Степан Александрович продолжал:

– И разве не важно для нашей корпорации, а если смотреть шире, то и для всего общества, когда так технологично решаются важнейшие задачи развития искусственного интеллекта?

– Я бы сказал даже, что это инновационный подход, – закивал Вячеслав Станиславович.

– И выходит, – Степан Александрович все раскручивал логическую спираль, – что своим присутствием Игорь Аскольдович не только не мешает, наоборот, помогает всем нам успешно решать наши профессиональные задачи. Хотя на первый, неискушенный, взгляд может показаться, что человек он совершенно пустой и лишний. Я уже не говорю о том, что, как мы все сегодня неожиданно выяснили, в бассейне у Игоря Аскольдовича с удовольствием плавает Елена Аристарховна, от которой в нашей деятельности тоже пока кое-что зависит...

Прохор Петрович и Елена Аристарховна вернулись в кабинет.

– Ну кого еще к списку наших дураков причислили? – весело спросил Прохор Петрович. – По хитрым лицам вижу обсуждали кого-то без нас.

– Мы говорили о том, – вступил Вячеслав Станиславович, – что дурак дураку рознь. Что дураки могут быть вредные и мешающие всем начинаниям, а могут быть и весьма полезные.

– Полезный дурак? – Елена Аристарховна поправила свою пышную прическу. – Бывает такое?

– Да сколько угодно! – сказал Вячеслав Станиславович.

– И в каких местах они водятся? – пошутила Елена Аристарховна.

– Они, знаете, очень широко распространились. Сфера их обитания – весь мир, – заулыбался Вячеслав Станиславович. – Я, например, знаю одного значительного начальника. Опытный человек, он никогда сам лично сомнительные документы своего ведомства не подписывает. Как только такой документ всплывает, он сразу же три дня за свой счет и на охоту! Очень любит охотиться на оленей.

– А кто же бумаги подписывает? – уточнила Елена Аристарховна.

– Так полезный дурак и подписывает. В ранге его заместителя...

Степан Александрович поднял голову и мельком взглянул на большие оленьи рога, висевшие на стене за спиной Прохора Петровича.

– Действительно, дурак этот заместитель! – воскликнула Елена Аристарховна, всегда замещавшая Прохора Петровича во время его отпусков и командировок. – Слава богу, у нас таких нет!

– А где, вы говорите, – Прохор Петрович снял очки и пристально посмотрел на Вячеслава Станиславовича, – этот начальник работает?

Вячеслав Станиславович на мгновение завис, но потом легко сообщил:

– При Министерстве экологии, глава одного из агентств.

– А-а, – протянул Прохор Петрович, – умный, видимо, человек.

– Умнейший, – подтвердил Вячеслав Станиславович.

На несколько секунд в кабинете загустела тишина, которую разбавил Степан Александрович:

– Умный с дураком нередко удачный симбиоз выстраивают. Это как страшные девушки, которые липнут к симпатичным подругам. Дурнушкам приятное внимание перепадает, а хорошенькие на их фоне еще лучше смотрятся!

– Ну, это вы какой-то сексизм тут развели, Степан Александрович! – попыталась обидеться Елена Аристарховна. – И кто из них тогда умная, а кто дура получается?

Прохор Петрович посмотрел на Елену Аристарховну долгим, добрым взглядом.

– Что вы на меня так смотрите, Прохор Петрович? – заволновалась Елена Аристарховна. – Я что-то не так сказала?

– Все правильно, Лена, ты говоришь. Все правильно. Они обе умные.

– Вот именно! – успокоилась Елена Аристарховна.

Дверь кабинета почти неслышно открылась, и на пороге опять появилась Анечка:

– Прохор Петрович, извините...

– Да?

– К вам Юрий Гургенович рвется. Говорит, пять часов до самолета осталось... Мечтает обнять!

– Юрий Гургенович? – удивился Прохор Петрович. – А как он тут оказался?

Дверь за спиной Анечки с шумом распахнулась, и, не дождавшись приглашения, в кабинет ворвался высокий загорелый человек с крупным носом, который развел в стороны руки и пошел прямо на Прохора Петровича.

– Прохор Петрович, дорогой! – говорил он, приближаясь. – Не мог не заехать! Вчера неожиданно в столицу вызвали! Все дела порешал и просто обязан тебя обнять!

Прохор Петрович поднялся из-за стола и оказался в объятиях неожиданного гостя.

– Так это же глава одной из восточных губерний... Я не ошибаюсь? – негромко спросил Степан Александрович.

– Не ошибаетесь, – также тихо ответил Вячеслав Станиславович.

Своей энергией, громким голосом, жестами Юрий Гургенович заслони́л всех, кто находился в кабинете. По всему чувствовалось, что сопротивляться его природной, провинциальной мощи бессмысленно. Юрий Гургенович наобнимался с Прохором Петровичем и взглянул ему в лицо:

– Да ты грустный какой-то? Не болеешь?

– Так совещание у нас, Юра, – попробовал объяснить Прохор Петрович.

– Прохор, я не вовремя? – Юрий Гургенович сделал шаг назад и замер посередине кабинета.

– Ну что ты! – заулыбался Прохор Петрович. – Как ты можешь быть не вовремя! Тем более что совещание у меня узкое. Тут все свои.

– Ну, если свои! – обрадовался Юрий Гургенович и повернулся к дверям: – Константин, занеси гостинцы! Прохор, здесь накроем? – Он показал рукой на стол для совещаний. – Или лучше на террасе?

- Лучше на террасе, – как-то обреченно вздохнул Прохор Петрович.
- Костя, на террасу! – командовал Юрий Гургенович и опять обнял Прохора Петровича: – Как же я рад тебя видеть! Через неделю приедешь, как собирался? А то глухарь уже вес набрал!
- Постараюсь, конечно. – Прохор Петрович немного смутился открывшихся подробностей.

– А твои что такие кислые? – Юрий Гургенович сменил тему и с жалостью посмотрел на столичных топ-менеджеров. – Ругает вас Прохор Петрович?

– Прохор Петрович у нас справедливый... – сказала Елена Аристарховна, – если и ругает, только за дело.

– Это точно! – перебил ее Юрий Гургенович. – Бывает, так егерю в морду забубенит, что тот кровью плюется! И только по справедливости, если охоту сорвет!

– Ладно, Юра, ладно, – заторопился Прохор Петрович, – ты уж все-то мои секреты не выдавай сразу. Я к тебе отдыхать ездю, а тут работа. Да и ты не один приехал.

– Хорошо, Прохор Петрович, ты не обижайся, – Юрий Гургенович убавил настроение, – это я от эмоций. От радости встречи! А Костика моего ты же знаешь, он со мной десять лет уже. Все правила понимает. Да и вообще я придурков вокруг себя не держу. Дураки встречаются, конечно, но придурков нет.

– А между ними есть разница? – поинтересовался Андрей Максимович.

– Огромная! – Юрий Гургенович с удивлением посмотрел на Андрея Максимовича. – А вы не в курсе?

– Я всегда считал, что это понятия близкие... – ответил Андрей Максимович.

– Да вы что! – Юрий Гургенович даже замолчал на пару секунд. – Это же совершенно разные люди!

С террасы выглянула очаровательная головка Ани:

– У нас все готово.

Юрий Гургенович посмотрел на Прохора Петровича:

– Хозяин кабинета разрешает?

– А-а! – Прохор Петрович махнул рукой. – Что с тобой делать! Пойдемте все вместе, перекусим.

Терраса была любимым местом Прохора Петровича. Здесь его работа тонко, ненавязчиво соприкасалась с другим миром: живым городом, частью которого был он сам и вся его корпорация. На большом столе, накрытом свежей скатертью, уже аппетитно теснились закуски. Между площадями тарелок с копченой олениной, колбасами из дичи, паштетом из утиной печени, козым сыром, ломтиками соленой рыбы возвышались башнями старого города несколько бутылок с разноцветной наливкой.

– Извините за скромное угощение, – развел руками Юрий Гургенович, – всего с собой не привезешь.

– Это Юрий Гургенович нарывается на комплементы, – легонько поддел его Прохор Петрович, – все знают, как он умеет угощать. И даже в гостях!

Угощаемые хохотнули на разные голоса и забросали Юрия Гургеновича благодарностями, от которых его жесткое, костистое лицо чуть подтаяло, как сливочное масло, приготовленное на столе для бутербродов с паштетом.

– А мы к твоему появлению подготовиться не успели, – Прохор Петрович открыл стоявший на террасе дубовый секретер, – поэтому ответим твоему размаху только импортными напитками. – И он поставил на стол бутылку элитного виски и пузатое матовое стекло с французским коньяком.

– Мне кажется, – Степан Александрович наклонился к Андрею Максимовичу, – работа сегодня уже закончилась.

– Вы думаете? – спросил Андрей Максимович.

– А вы считаете, мы можем оскорбить отказом таких уважаемых людей? – прошуршал губами Степан Александрович.

– И что же делать?

– Пить! – Степан Александрович быстро схватил бутылку виски, налил в бокал и залпом выпил янтарный напиток. Выдохнул, радостно погладил себя по животу и взялся за бутылку коньяка. – Прохор Петрович, вы что будете?

Прохор Петрович взглянул на бутылку в руках Степана Александровича и слегка кивнул.

С другой стороны стола Юрий Гургунович балагурил с Еленой Аристарховной и Анечкой, которая как-то сама собой тоже оказалась за одним столом со «своими». Он уже наливал им наливки, нахваливая их целебные свойства.

– А сколько в ней градусов? – спрашивала Анечка, разглядывая на свет красноватую жидкость в своем бокале.

– Какие там градусы! – возмутился Юрий Гургунович. – В ней одно наслаждение!

Анечка смеялась и поправляла изумрудный кулончик на шее, который появился у нее совсем недавно.

Андрей Максимович видел, как помощник Юрия Гургуновича налил виски Вячеславу Станиславовичу, себе и повторил Степану Александровичу, который неожиданно быстро стал оживать и краснеть в тон ягодным напиткам. Андрей Максимович не имел привычки принимать алкоголь в первой половине дня, да и вообще употреблял не часто. Но сейчас аппаратная чуйка безошибочно подсказывала: выпить придется, иначе останешься полным дураком среди поглупевших от спиртного людей.

– Ну, давайте, за встречу! – неожиданно рявкнул Юрий Гургунович. – Импровизация всегда слаще любых проектов!

– Особенно если застолье вместо совещания, а не наоборот! – захохотала Елена Аристарховна.

– Какая женщина! – восхитился Юрий Гургенович. – Прохор, почему ты скрывал от меня Елену Аристарховну?

– Можно просто Лена, – разрешила Елена Аристарховна.

– Не скрывал, – ответил Прохор Петрович, – берег незаменимые кадры от твоей излишней импульсивности.

После первого тоста террасу ненадолго заполнило жующее молчание. Столичные менеджеры с удовольствием пробовали непривычные закуски.

– Предлагаю выпить за хозяина кабинета! – Юрий Гургенович наращивал обороты. – Наливайте, наливайте! – говорил он Степану Александровичу. – Не стесняйтесь!

– Да мы и не стесняемся! – откликнулся уже блестящий глазами Степан Александрович и добавлял, поворачиваясь к Андрею Максимовичу: – День-то все равно уже потерян.

– За Прохора Петровича...

– Да ладно, Юра, – слабо запротестовал Прохор Петрович.

– ...За его организаторский талант трехкратное ура: два коротких, одно длинное! – Юрий Гургенович поднял левую руку и, дождавшись на лицах готовности поддержать, бросил ее вниз: – Ура! Ура! Ура-а-а!

Проходя по улице мимо здания корпорации, случайные прохожие задирали головы, пытаются понять, откуда в обеденное время буднего дня раздается боевой клич.

Андрей Максимович чуть пригубил из своей рюмки и хотел уже поставить ее на стол, но Юрий Гургенович заметил этот дилетантский маневр и, показав большим, волосатым на фалангах, указательным пальцем в сторону Андрея Максимовича, строго произнес:

– За начальника до дна! Даже дамы свое допили!

И пристыженный Андрей Максимович, по-дурацки улыбаясь, допил свой коньяк.

В кабинете Прохора Петровича зазвонил телефон. Анечка посмотрела на своего шефа, кивнула и вышла с террасы. Через минуту она вернулась.

– Что-то срочное там? – спросил Прохор Петрович.

– Алексей Викторович в приемной ждет, спрашивает не перенеслось ли совещание.

– Какое совещание?

– По цифровизации больших данных.

– А у меня в плане оно есть?

– Есть, но завтра.

– Так что ж он приперся?

– Не знаю. – Анечка передернула своими прелестными плечиками.

– Наш Алексей Викторович всегда цифры путает, – сказал Вячеслав Станиславович, – это его любимое хобби.

– Коллеги даже пари на него заключают, – поделился и Степан Александрович, – перепутает что-нибудь или нет.

– И кое-кто приличные суммы выигрывает, – продолжил Вячеслав Станиславович, – когда у него вдруг сбой происходит и он что-то вспоминает.

Андрей Максимович с изумлением слушал про удивительные способности Алексея Викторовича.

– И я однажды десять тысяч выиграла! – призналась вдруг захмелевшая Елена Аристарховна. – Пospорила с нашим начальником охраны, что Алексей Викторович на совещание вовремя придет. И пришел!

– Так вы же сами ему и напомнили! – сообщил Степан Александрович, и прикрывшись спиной Андрея Максимовича, опять залил в себя виски.

– Ха-ха! – затрясла высокой прической Елена Аристарховна. – Сплетни все это! Сплетни!

– Так что мне делать с вашим Алексеем Викторовичем? – перебила всех Анечка. – Звать или отсылать на завтра?

– Отсылай, конечно, – замахал руками Прохор Петрович, – нам его еще здесь не хватало!

– Без памяти плохо, – проговорил Юрий Гургунович, подливая наливку женщинам, – я, когда водки переберу, ничего не помню. И самое противное, что наутро все вокруг такие интересные события рассказывают, а я в них как будто и не участвовал. Вот как-то женский квартет народной песни к нам на заимку приехал, и веселые девчонки такие, а я...

– Юра! – перебил его Прохор Петрович, и лицо его на мгновение стало похожим на морду разъяренного кабана.

– Понял, – быстро сообразил Юрий Гургунович. – Давайте выпьем за память!

Разноцветные напитки качнулись в своих стеклянных мирах, коснулись губ и приятно растеклись по внутренностям. При этом Юрий Гургунович продемонстрировал исключительную память на детали и проследил, чтобы Андрей Максимович допил свой коньяк до конца.

Разговор за столом завертелся вокруг случайных тем.

Андрей Максимович смотрел на крупные руки Юрия Гургуновича, на его мощный кадык, плясавший вверх-вниз на выпиравшей из дорогой рубашки шее, и пытался представить, что же может вытворять этот человек, когда до беспамьяства напьется водки. Смотрел и радовался, что пока Юрий Гургунович ограничивался только привезенной с собой наливкой.

– А какие в столице новости? – Юрий Гургунович с удовольствием закусил брусничную наливку бужениной из оленя. – Я слышал, Анатолия Аркадьевича в отставку сливают. Правда?

– Правда, – подтвердил Прохор Петрович, – указ уже подписан.

– Значительный был человек, – покивал Юрий Гургунович, – за два года все министерство развалил.

– Как же он сумел? – восхитилась Елена Аристарховна.

– Так его для этого и назначали, – многозначительно произнес Прохор Петрович.

– Да? – заинтересовался Вячеслав Станиславович.

– Конечно. Там давно реформы назрели, но смельчаков для их проведения все не находилось. И в народе они непопулярны были, и многих уважаемых людей задевали. А проводить надо, иначе полный крах...

– Не замечал раньше такой смелости за Анатолием Аркадьевичем, – проговорил Юрий Гургунович.

– А он это не сразу понял, – усмехнулся Прохор Петрович, – зато давно мечтал федеральным министром поработать. Вот и согласился, воспринял как большую честь и доверие. А когда разобрался, к чему все идет, было уже поздно. Отставка замаячила. – Прохор Петрович достал носовой платок из кармана пиджака и вытер рот. – Но главное в своей жизни он сделал: реформу провел, людей неспособных на новые мысли уволил и все токсичное недовольство общества в себя впитал. Площадка расчищена, а нового министра встретят с ликованием и все его идеи поддержат. Лишь бы Анатолий Аркадьевич не повторился.

– Да вы стратег! – восхитился Юрий Гургунович. – Я бы такую изощренность никогда не разгадал! Не зря вы в столице управляете, а я в провинции.

Прохор Петрович снисходительно заулыбался.

– Только каким же дураком, – продолжил Юрий Гургунович, – будет теперь выглядеть Анатолий Аркадьевич. И на хорошее место больше не устроишься.

– Ничего, пристроят куда-нибудь, – негромко произнес Андрей Максимович.

– Да, такой человек пригодится, наверное, – сказал Вячеслав Станиславович. – Всегда есть должности, на которые никто, кроме дурака, и не согласится. Но, с другой стороны, выходит, что по своей глупости Анатолий Аркадьевич совершил полезное для общества дело и даже своей репутацией ради него случайно пожертвовал...

– И как же наказывать его после этого? – спросил Степан Александрович.

– Наказывать было бы странно, – согласился Вячеслав Станиславович. – Но и наградить публично нельзя, потому что миссия у него была секретная, для понимания большинства совершенно недоступная.

– Конечно, если он и сам не сразу понял. – Степан Александрович потрогал свою сидящую бородку.

– Для таких ситуаций давно придумана почетная ссылка, – сказал Юрий Гургенович. – Если государственный деятель выдыхается на своем ответственном посту, его от реальных дел отстраняют, но сохраняют социальный статус и все привилегии. Обиженных плодить опасно, особенно если они при деньгах и при власти. А так и они не в обиде, и для общества полезное обновление.

– Только деятелей таких уже складывать некуда... – проговорил Андрей Максимович.

– А это значит, что работает административная система! – сделала оптимистичный вывод Елена Аристарховна. – Жаль, не всем везет в таком почете пожить! Я бы не отказалась. Делишься опытом, наслаждаешься горящими от удивления глазами молодежи, участвуешь в дискуссиях о будущем... – начала разбегаться в монологе Елена Аристарховна, но ее перебил Прохор Петрович.

– Любая ссылка – удовольствие сомнительное, – сказал он весело, – быть бывшим всегда неприятно.

– Но не всегда же эта ссылка пожизненная, – возразил Вячеслав Станиславович, – бывает, что человек отдохнет, поймет свои ошибки и возвращается из кадрового резерва со свежими силами. Проверенных-то людей всегда не хватает.

– И опять всё по старому кругу, – вздохнул Андрей Максимович, – только должности другие.

– Но не всегда же глупец – это обязательно плохой человек или преступник, – неожиданно высказался помощник Юрия Гургеновича Константин. – Дурак ведь может быть и милым, и обаятельным, и по-своему добрым. И просто сыном уважаемого человека родиться. Что с этим делать? Он вполне приличный член общества, только глупый. Не убивать же его за это?

– Я понимаю, конечно, – сказал Андрей Максимович, – что человеческая глупость разнообразна и безгранична, но должны ли при этом бездарные люди занимать важные посты и влиять на серьезные решения? Дурак на большой должности, он не только сам по себе дурак, он еще и всех вокруг оглушает.

– Заманчиво, конечно, создать остров без дураков, – Вячеслав Станиславович взял ломтик козьего сыра, – только эта система будет неестественной, а потому нежизнеспособной и временной.

– Ну почему же, – заспорил Андрей Максимович, – мне кажется, умные люди всегда могут договориться и просто не допускать глупцов в свой круг. Не доверять им важные дела.

– Но кто-то среди умных все равно должен быть дураком! – воскликнул Вячеслав Станиславович. – Нельзя без этого! А это значит, что рано или поздно заведется один дурак, потом другой, потом еще кого-нибудь из своих нелегально перетащат. И все ваши усилия по очищению пойдут прахом! Дураки-то рождаются не перестанут...

– Важно еще понимать, – назидательно произнес Степан Александрович, – дураки-то совершенно не виноваты в том, что они дураками на свет появляются. Они, может, и сами этого не хотели.

– Да и любой умный, – Елена Аристарховна сделала презрительное лицо, – может легко превратиться в идиота. По башке один раз дадут в подворотне, вот вам и дурак!

– Я с вами, Андрей Максимович, отчасти согласен, – Юрий Гургунович опять разливал наливку, – некоторых дураков и правда хочется водкой запить. Но в полное избавление от них я тоже не верю. Уж столько веков у нас и просвещение, и наука, а дураков-то меньше не становится. Они, как правильно тут уже сказали, все рождаются и рождаются и, заметьте, разрешения на это ни у кого не спрашивают.

– Это точно! – подтвердил Степан Александрович и выпил без всякого тоста.

– А если всерьез задуматься, – продолжил Юрий Гургунович, – то проблема эта вообще государственного масштаба.

– Вы так думаете?! – спросил Вячеслав Станиславович.

– Уверен! Я до грандиозных замыслов, подобных реинкарнации Анатолия Аркадьевича, умом еще не дорос, но тоже понимаю, что раз уж от дурака в принципе не избавиться, то нужно его умело использовать. И так, чтобы он и собой был горд, и обществу полезен! Потому что только полный кретин может надеяться на победу в войне с дураками.

Анечка начинала скучать. Она достала свой престижный смартфон и разглядывала фотки подружек, которые хвастались в социальных сетях нарядами, машинами и ресторанами.

– А я считаю, – вступила Елена Аристарховна, – что дураков вообще не бывает. Все это выдумки!

– Да? – посмотрел на нее Прохор Петрович.

– Конечно! Каждый человек умен по-своему. Один в спорте молодец, другой в административной работе, третий в творчестве. Просто некоторые, – Елена Аристарховна неприязненно посмотрела в сторону Андрея Максимовича, – своего соперника всегда хотят дураком выставить и осмеять. А человек не обязан сразу во всем быть талантливым. Вот вы, Андрей Максимович, – Елена Аристарховна зачем-то сжала правую руку в кулак, – вряд ли стокилограммовую штангу десять раз поднимете. Правда?

– Я и один-то раз, наверное, не подниму, – признался Андрей Максимович.

– Вот видите! – воодушевилась Елена Аристарховна. – Это же не значит, что вы дурак?!

– Надеюсь, не значит.

– У глупости еще одна особенность есть, – сказал Вячеслав Станиславович. – Она величина непостоянная.

– Это как? – спросил Андрей Максимович.

– Да очень просто, – Вячеслав Станиславович закинул ногу на ногу, – каждый человек может умнеть или глупеть в зависимости от обстоятельств.

– Я тоже вашу мысль не очень поняла, – насторожилась Елена Аристарховна.

– Да что тут понимать! – вмешался Юрий Гургенович. – Это очень точно подмечено. Вот мой заместитель по финансам регулярно умом колеблется. Если, скажем, надо налоги в центр перечислять, так он дурак дураком становится и месяцами плохо соображает, а если из столицы субсидия какая замаячит, так он сразу преображается. Любые цифры в голове без калькулятора считает! Ценнейший человек!

– А еще уровень ума зависит от того, в каком кабинете сидишь, – опять заговорил Константин.

Анечка с интересом посмотрела на симпатичного провинциала, и тот, поощренный ее взглядом, продолжил:

– Нельзя же в кабинете начальника быть умнее самого начальника. Показать себя слишком умным не только глупо, но иногда даже опасно: могут задуматься – а на своем ли месте человек? А потом к себе вернешься, и умственные способности постепенно восстанавливаются. Но и это еще не все... – Константин все больше терял связь с реальностью, глядя на очаровательную улыбающуюся Анечку, которая сидела совсем рядом и пахла теплым, дурманящим ароматом.

– Неужели и продолжение последует? – Вячеслав Станиславович наблюдал, как наливаются первобытным удивлением глаза Юрия Гургеновича.

– Конечно! – Костя все еще не замечал выражения лица своего начальника. – Когда в кабинет приходят твои сотрудники, то сразу чувствуешь, как наполняешься умом и знаниями. Просто распирает от них! А подчиненные на глазах глупеют...

– Да, дураком иногда полезно прикинуться, – произнес Прохор Петрович, – жаль, не у всех получается.

Юрий Гургенович слегка наклонился над столом, чтобы Константин наконец заметил его за пышной прической Елены Аристарховны:

– Костик, а сейчас ты в каком кабинете?

Константин вздрогнул, словно очнулся от наваждения.

– Сейчас я на террасе, Юрий Гургенович, – выдавил он, – и просто поддержал беседу в философском разрезе.

– Это хорошо, – сказал Юрий Гургенович и откинулся на спинку стула, – а то ведь любую философию можно на такие цитаты порезать, – он рубанул воздух ребром ладони, – что потом ни один хирург не сошьет.

Настроение на террасе становилось все веселее. Хмельные напитки забирали себе часть разума и делали общение раскованным, а беседу непредсказуемой. Тормоза приличия отказывали, позволяя мыслям превращаться в слова без всякой внутренней цензуры. Все чаще слышался смех, все кокетливей улыбалась Юрию Гургеновичу Елена Аристарховна, все выше поднималось платье на загорелых ножках Анечки. Она наслаждалась возбуждением Кости и ревностью Прохора Петровича и понимала, что ничего ей за эти маленькие шалости не будет.

Степан Александрович постепенно отстранялся от происходящего и говорил уже редкими, короткими фразами, чтобы не запутаться в собственных предложениях, но иногда произносил все-таки полную глупость, которая опасно граничила с правдой.

Юрий Гургенович чувствовал себя тамадой на семейном празднике, пытался инстинктивно понравиться всем сразу и говорил все больше и все быстрее.

Проход Петровиц масленными глазами смотрел на Анечку, на ее, хорошо знакомые ему, загорелые ноги и мечтал уединиться с ней в своем кабинете.

Елена Аристарховна громко хохотала над каждой шуткой, но иногда промахивалась и смеялась над случайной фразой, абсолютно лишеной юмора, вызывая ответный хохот, который она воспринимала как одобрение ее тонкого восприятия иронии. И даже Андрей Максимовиц, наивно надеявшийся начать сегодня избавление от дураков, все больше погружался в этот безумный водоворот бессмысленного общения.

– Юрий Гургеновиц, вы говорили, что дураков нужно умело использовать. – Вячеслав Станиславовиц все еще стремился поддержать общий стержень разговора.

– Говорил.

– А что вы с ними делаете?

– Я о своих забочусь. – Юрий Гургеновиц развалился на кресле. – Если своих дураков не поддерживать и всех разогнать, так ведь чужие нагрянут. А чужие дураки заметно хуже своих. Это всем известно. Дураку на самом деле не очень много надо. Ему главное, чтобы остальные его дураком не считали, и ради этого он готов на любые глупости.

– И получается заботиться? – спросил Андрей Максимовиц.

– Конечно! Был бы я губернатором, если бы не умел с дураками работать.

– Ну а все-таки, – настаивал Вячеслав Станиславовиц, – поделитесь опытом. Может, и нам пригодится.

– Да здесь секрета никакого нет. Вот был у нас один дуриал ист...

– Журналист? – переспросил Вячеслав Станиславовиц.

– Это я так глупых, дурных журналистов называю.

– А-а! – опять захохотала Елена Аристарховна. – Как это правильно! Я помню, один такой журналист и у меня интервью брал. Все вопросы глупые задавал, с каким-то подтекстом. Не знаешь, что и ответить. Я ему говорю: молодой человек, хватит из меня уже дуру делать, я и так ничего не понимаю!

– Удивительно еще, – прошелестел заплетающимися губами Степан Александровиц, – что дураки никогда не могут вовремя помолчать. Даже ради собственных интересов. Казалось бы, чего проще!

– Они когда молчат, дураками себя считают, – подсказал Андрей Максимовиц.

– Да? – вылутился на него Степан Александровиц. – А знаете, это интересная мысль!

– Коллеги, – возмутился Вячеслав Станиславовиц, – дайте уже Юрию Гургеновицу рассказать!

– В самом деле! – отозвалась Елена Аристарховна.

– Всё! Молчим! – Степан Александровиц приложил палец к своим губам. – Молчим.

– Извините, Юрий Гургеновиц, – сказал Вячеслав Станиславовиц, – мы вас внимательно слушаем.

– Журналист этот, – продолжил Юрий Гургеновиц, – все критиковал, что у нас историческая усадьба разваливается. Писал на каждом столбе, что в усадебном парке коттеджи хотят строить. Ему несколько месяцев объясняли, что это все домыслы, пустые слухи. А он все свое! Дурак, одним словом. И тогда мы... – Юрий Гургеновиц так хищно посмотрел на собеседников, что у Андрея Максимовица даже мурашки по спине побежали.

– Юра! – Проход Петровиц попытался остановить откровения своего друга, но Юрий Гургеновиц на этот раз проявил упрямство и договорил:

– И тогда мы его директором этой усадьбы и назначили!

– А-а... – с облегчением выдохнул Проход Петровиц.

– Да, – победоносно заулыбался Юрий Гургеновиц, – бюджетик небольшой на реставрацию подкинули и с проверками к нему не спешили. Я же понимаю, история! Ну, он и поумнел постепенно. Через месяц машину себе приличную купил, через три квартиры присмотрел, а

потом сам же сокращение территории усадьбы и согласовал. Теперь и ему хорошо, и усадьба сохранена, и коттеджи построены. Полный консенсус!

– А бывает так, что дураки не умнеют? – спросил Андрей Максимович.

– Бывает, конечно. Только это уже не дураки, а придурки. Придурок тем от дурака и отличается, что не умнеет, когда его учат. Умный же человек, как известно, всю жизнь учится. А совсем умный еще и на чужих ошибках. А если не учится, значит, полный дурак, то есть придурок. Прохор Петрович, – Юрий Гургунович повернулся к главе корпорации, – помнишь, егерь такой у нас был, Иваныч?

– Смутно что-то.

– Да как же! Помнишь ты его отлично! Это ж ты от него убежал, когда мы хорошо приняли на морозе и тебе медведь почудился! А потом ты еще в капкан угодил, и мы тебе ногу вытаскивали! Вспомнил?

– М-м... – неопределенно протянул Прохор Петрович.

Степан Александрович наклонился к уху Вячеслава Станиславовича:

– Вот почему хромал так долго после охоты...

– А нам говорил, что волков от лагеря отгонял, – также тихо ответил Вячеслав Станиславович.

– Егерь он был – от Бога. Каждую тропку знал, на логово легко выводил. Зверя нутром чуял! – Юрий Гургунович ударил себя кулаком в грудь. – Но по жизни придурком оказался. Стоило один раз кабана в заповеднике завалить, так он сразу жалобу в столицу написал, что мы там постоянно без всяких лицензий редких зверей бьем. И зачем, спрашивается?

– И за-ачем? – Степан Александрович смотрел на Юрия Гургуновича округлившимися оловянными глазами.

– Все справедливости какой-то неуловимой искал. Сколько мы ему водки привозили, сколько продуктов недоеденных оставляли... А он из-за какого-то паршивого кабана всю романтику охоты испортил и справедливости, конечно, никакой не добился: гнилое дерево на него упало и насмерть задавило. Вот и вся справедливость! Собаки потом случайно нашли.

Анечка поморщилась и посмотрела на Костю, молча спрашивая: неужели правда? Но тот высказываться больше не стал, только вздохнул и развел руками.

Юрий Гургунович помолчал, а потом печально произнес:

– Так что, когда Бог человеку ума не дал – это еще можно исправить, а если придурком создал, то тут уже ничего не поделаешь. Понял теперь разницу?! – Юрий Гургунович неожиданно перешел на «ты», навалился руками на стол и смотрел на Андрея Максимовича налившимися кровью глазами.

– Сложно не понять, – ответил Андрей Максимович, – вы очень доходчиво объясняете.

– Молодец! – И Юрий Гургунович протянул над столом свою жилистую ладонь, которой схватил руку Андрея Максимовича и долго бессмысленно тряс ее, пока не опрокинул на стол чей-то бокал с остатками наливки.

– Я одного только не пойму, – Андрей Максимович решил не сдаваться, – почему наш разговор каким-то странным образом все время сводится к оправданию дураков? И люди они неплохие, и жалко их, и полезными даже бывают. Но с кем работать-то, если вокруг тебя одни дураки?! Как ни пристраивай их к полезным делам, они рано или поздно всё своей глупостью измажут. На дурака нельзя положиться, он в своей дурачости непредсказуем!

– И опять ты ничего не понял! – махнул рукой Юрий Гургунович. – Это на придурка положиться нельзя, а на дурака в самый раз! Правильный дурак, он как железнодорожный вагон, поставил его один раз на рельсы, и он катит в нужном тебе направлении. Главное – стрелки вовремя переводить. А слишком умный, он всегда что-то там про себя думает, придумывает, сомневается. Может и до критики начальства досомневаться. Кому это нужно?! И

вообще подозрительно, когда вокруг ни одного дурака. Умных людей это должно настораживать.

– Это хорошо, когда вокруг лидера работает команда единомышленников, – Елена Аристарховна соскучилась по выступлениям, – когда люди понимают друг друга, так сказать, без перевода. Не везде это получается, к сожалению. – Она с презрением посмотрела в сторону Андрея Максимовича. – Назначат вместо опытного человека кого-то случайного, и думай потом, что о тебе подумают.

– Редкая у тебя, Прохор Петрович, заместительница. – Юрий Гургенович сложил руки на груди и с восхищением смотрел на Елену Аристарховну. – Проникновенная и все понимает. А переезжайте ко мне, Елена Аристарховна?! Я вас вице-губернатором сделаю. Будем на оленя вместе ходить!

– И брать его за рога? – захохотала раскрасневшаяся от наливки и комплиментов Елена Аристарховна.

– Можно и за рога! – согласился Юрий Гургенович.

– Отпустите меня, Прохор Петрович? – Елена Аристарховна посмотрела на своего начальника.

– Ни за что! – честно признался Прохор Петрович. – Ты у нас незаменимая!

– Не отпускают меня, Юрий Гургенович, – Елена Аристарховна довольно улыбалась, – придется вам с оленьими рогами самому справляться!

– Жаль, – разочарованно произнес Юрий Гургенович, – но я Прохора Петровича понимаю.

Юрий Гургенович заметно хмелел и расслаблялся телом и мыслями. Помощник уже несколько раз напоминал, что пора на самолет, но Юрий Гургенович отмахивался, говорил: «Без меня не улетят!»

– Господа, – Степан Александрович поднялся со второй попытки, – я хочу сказать тост.

– Ха-ха! – захохотала Елена Аристарховна.

– Давайте! – поддержал Юрий Гургенович.

– Я чем больше вас всех тут слушаю, – для равновесия Степан Александрович оперся рукой на стол, – тем больше понимаю, что дураком быть прекрасно! И пожалеют тебя, если что, и пристроят куда-нибудь, и на пенсию с почетом проводят, лишь бы другим дуракам не мешал. Умному такой жизни еще поискать! А главное, я теперь понимаю, что на дураках у нас все и держится. Предлагаю выпить за дураков!

В едином порыве все поднялись и принялись радостно чокаяться. И Андрей Максимович по какой-то необъяснимой инерции тоже поднялся, взглянул в чуть заслезившиеся глаза Прохора Петровича и, не пригубив свой коньяк, поставил рюмку на стол.

Через пятнадцать минут Юрий Гургенович, благодаря нечеловеческим усилиям своего помощника, все-таки осознал, что регулярный рейс может улететь и без него, и стал прощаться. Он по очереди, долго и многократно целовал всех в лицо, приглашал на охоту: «У нас такие заповедные места!» – обещал показать свои бесчисленные трофеи и напоить волшебным самогонном на травах, который в этот раз, к сожалению, не довез.

– На ход ноги! – кричал одурманенный хмелем Степан Александрович и, к ужасу Константина, уже третий раз возвращал к столу Юрия Гургеновича, который опять выпивал на посошок и начинал заново свою поцелуйную церемонию.

Наконец общими усилиями Юрия Гургеновича удалось вывести с террасы и направить в сторону выхода. Чуть задержавшиеся Андрей Максимович и Вячеслав Станиславович взглянули друг на друга.

– Никогда не думал, – сказал Андрей Максимович, – что простой вопрос о сокращении дураков может превратиться в такую комедию!

– Да, – вздохнул Вячеслав Станиславович, – чем умнее себя считаешь, тем большим дураком иногда оказываешься.

Часть вторая

Вячеслав Станиславович пил кофе в небольшом овальном зале. Это место служило приватной зоной, доступ в которую имели только топ-менеджеры компании. Здесь всегда был свежий кофе и горячий чай, бутербродики с красной рыбой и канапе с икрой, сыр и фрукты. При желании почти незаметный официант мог налить вина или шампанского и также незаметно удалиться. Маленький клуб для своих, где можно было ненадолго спрятаться от надоевших дел или поговорить с кем-нибудь за периметром кабинетных стен. Иногда руководство компании проводило здесь закрытые, неформальные встречи с важными гостями.

Вячеслав Станиславович, сбежавший с нудной конференции, которая второй день шла в здании их корпорации, наслаждался теперь кофейным послевкусием и даже чуть вздрогнул, когда дверь открылась и в помещение вошел неприлично загорелый для северной осени Степан Александрович.

– Степан Александрович! – воскликнул Вячеслав Станиславович и поднялся к нему навстречу с чашкой в руках. – Как отдохнули?

– Знаете, без приключений, – улыбнулся Степан Александрович и пожал руку коллеге, – был на курорте с женой: минеральные ванны, обертывания, массажи. Пора уже позаботиться об уставшем теле.

– Не прикидывайтесь! – рассмеялся Вячеслав Станиславович. – Ваше тело еще способно на всякие глупости!

– Уже не часто! – Степан Александрович провел ладонью по животу и залоснился щекастой улыбкой. – А что вы не на конференции?

– Сбежал, – честно признался Вячеслав Станиславович и пояснил в ответ на вопросительный взгляд Степана Александровича: – Не смог больше слушать Елену Аристарховну! Почти час жонглирует пустыми словами, мозг закипает.

– Да, – усмехнулся Степан Александрович, – в монологах наша Елена Аристарховна неудержима. Но согласитесь, в некоторых случаях это просто незаменимый талант. Она своей витиеватой бессмысленностью кого хочешь с ума сведет, а иногда только это и требуется. Так и пусть себе тренируется! – Степан Александрович взглянул на кофемашину. – Составите компанию?

– Давайте!

Они прошли к столу.

– А что происходит у нас? – Степан Александрович налил себе американо. – Есть новости?

– А вы не знаете?

– Нет.

– Тогда сейчас я буду вас удивлять.

– Надеюсь, приятно?

– Не уверен.

– Ну вот, не успел из отпуска выйти! – Степан Александрович глотнул кофе. – Не тяните, заполните мой информационный вакуум.

– А поинтриговать? – засмеялся Вячеслав Станиславович.

– На это вы мастер, конечно! – рассмеялся и Степан Александрович. – Но я ведь могу и отомстить потом!

– В этом я не сомневаюсь! – Вячеслав Станиславович поставил пустую чашку на стол. – Поэтому сразу к делу: Андрей Максимович уволился...

– Да ладно?

– И ничего не предвещало, – Вячеслав Станиславович развел руками, – был полон идей.

- Как скоростно ушел человек! И Прохор Петрович подписал?
- Подписал, – кивнул Вячеслав Станиславович, – Анечка говорит, у них был долгий разговор в кабинете, крики и даже удары по столу...
- А как она догадалась, что именно по столу стучали?
- Видимо, стол знакомый...
- А-а... – понимающе закивал Степан Александрович.
- Но из кабинета вышли улыбающиеся. Андрей Максимович отдал ей подписанное заявление, в тот же день забрал свои вещи из кабинета и, ни с кем не попрощавшись, нас покинул.
- И кто вместо него?
- Пока Игорь Аскольдович обязанности исполняет.
- Как фитнес у нас теперь расцветет! Так, может, Андрей Максимович на повышение пошел?
- Я Прохора Петровича пытался аккуратно расспросить, но тот с темы соскочил. Сказал только, что Андрей Максимович решил попробовать себя в бизнесе. Какая-то умопомрачительная идея к нему пришла.
- Странно все это, – негромко проговорил Степан Александрович и потер пальцами правый висок.
- Странно, – согласился Вячеслав Станиславович, – тем более что после его ухода подозрительно быстро разразилась и другая новость.
- Чувствую, не обрадуете...
- Час назад, – Вячеслав Станиславович наклонился к уху Степана Александровича, – мне позвонил приятель из нашего министерства... – Вячеслав Станиславович замолчал у виска Степана Александровича, и тому показалось, что к его голове приставили заряженный пистолет, который может в любую секунду выстрелить. – Говорит, нашего министра за жопу взяли...
- Да вы что?! – отпрянул Степан Александрович, как будто слова Вячеслава Станиславовича действительно больно ударили ему в ухо.
- Прямо сейчас, – Вячеслав Станиславович постучал указательным пальцем по циферблату непростых часов, – обыски в кабинете идут. В ближайшее время должны объявить.
- Так это же катастрофа для нас! – воскликнул Степан Александрович.
- Еще какая! – подтвердил Вячеслав Станиславович.
- А что инкриминируют?
- Говорят, взятка...
- Что-то мне нехорошо, – Степан Александрович потянул галстук, – присядем на диван.

Вячеслав Станиславович подошел к окну, приоткрыл створку стеклопакета и вернулся к Степану Александровичу:

– Как вы?

– Ничего, но слишком уж резкий переход из отпуска к обыскам.

– Ну, не у нас пока, слава богу! – успокоил Вячеслав Станиславович.

– Да сплюньте же вы! – крикнул Степан Александрович, вскочил и заметался по залу, сплевывая через левое плечо и отыскивая деревянные поверхности для ритуального постукивания. – Не хватало еще накаркать! И почему вы такой спокойный, я не понимаю!

– А у меня первый шок уже прошел, – таинственно улыбнулся Вячеслав Станиславович, – а еще я коньячку себе в кофе добавил...

– Какое мудрое решение! – Степан Александрович ударил себя руками по ляжкам. – А где тут у нас коньяк?

Из дверей за барной стойкой показался официант со скорбным лицом. Он нес небольшой поднос, на котором стояли два коньячных бокала, бутылка и блюдо с нарезанным лимоном. Он молча поставил поднос на журнальный столик, налил в бокалы коньяка и тихо удалился.

– Хоть какой-то сервис у нас безотказно работает! – выдохнул Степан Александрович. – Давайте снимем стресс!

Они выпили и помолчали.

– Как все-таки неудачно из отпуска вышел! – Степан Александрович, не спрашивая Вячеслава Станиславовича, налил по второй. И неожиданно оживился: – Слушайте, а у нас, кажется, племянник министра работал?!

– Работал и работает пока, – Вячеслав Станиславович пережевывал лимонную дольку, – но смысла в нем теперь не много. И так не знали, чем занять, а теперь на сдачу нам остался. Но дядька его любил, поэтому и проверками нам не досаждал.

– А Прохор Петрович в курсе уже?

– Думаю, доложили. Наш Прохор Петрович простачком только прикидывается, на самом деле человек с замыслами.

– Да... – протянул Степан Александрович, – теперь из-за одного дурака, который и взятку нормально принять не может, столько порядочных людей может пострадать!

Они опять помолчали и выпили не чокаясь.

– А при чем здесь увольнение Андрея Максимовича? – вспомнил Степан Александрович. – Я пока связи не улавливаю.

– Помните, месяца за два перед вашим отпуском он про дураков заговорил? Тогда еще Юрий Гургунович неожиданно приехал...

– Помню, конечно! – взмахнул рукой Степан Александрович. – Кое-что... Например, как он уговаривал нашу Елену Аристарховну к нему переехать. Она, кстати, еще не переезжает? А то вдруг я опять что-то упустил.

– Пока нет. – Вячеслав Станиславович взял со стола пульт и включил висевший на стене большой телевизор, с экрана которого зазвучала трансляция конференции.

– ...на пути к новым технологиям и цифровому миру надо избавляться от всего лишнего, пустого... – послышался голос Елены Аристарховны. – Убавьте, убавьте, пожалуйста, звук! – поморщился Степан Александрович. – И так уже неважно себя чувствую. Так что там про Андрея Максимовича и его дураков?

– Я говорю, очень странная цепочка событий выстраивается: сначала Андрей Максимович за чем-то начинает обсуждать дураков. И заметьте, Прохор Петрович ему не препятствует, даже отдельное совещание по этому поводу собирает. Потом Андрей Максимович также неожиданно увольняется, и подлинных причин такого решения мы не понимаем. А теперь нашего министра задерживают, и все эти события происходят за очень короткий срок.

– Думаете, чья-то продуманная игра? Но в чем смысл?

– Если бы в таких делах легко смысл угадывался... – таинственно произнес Вячеслав Станиславович. – Помните, как Прохор Петрович нам про Анатолия Аркадьевича рассказывал?

– Который по своей дурусти полезную реформу продвинул?

– Вот именно. Не стал бы Прохор Петрович просто так говорить. Не к испытаниям ли нас готовил...

– Вы по мне мурашки страха запускаете! – Степан Александрович нервно затеребил пальцами свою бороденку. – Нам главное понять, кто чего от нас хочет!

– А сейчас время такое, – Вячеслав Станиславович пристально посмотрел на Степана Александровича, – что сразу и не поймешь, кто хочет, чего хочет и, главное, от кого хочет. А потом раз, и приговор!

– Да что ж вы всё нагнетаете! – Степан Александрович отпрянул от Вячеслава Станиславовича и вжался в спинку кресла. – И так уже никакого настроения нет, хоть обратно на курорт эмигрируй!

– Не нагнетаю я, факты констатирую.

– И что же нам делать?

– В таких случаях, дорогой Степан Александрович, – Вячеслав Станиславович закинул ногу на ногу, – правильное всего вообще ничего не делать.

– Так это умеем!

– Вот и не нужно пока ничего менять.

У Вячеслава Станиславовича зазвонил мобильный.

– Слушаю! Хорошо, сейчас зайду. – Он отключил телефон и взглянул на Степана Александровича. – Прохор Петрович вызывает, какие-то иностранцы у него.

– Тоже от нее сбежал? – Степан Александрович кивнул на экран.

– И заметьте, под благовидным предлогом! – Вячеслав Станиславович поднялся с дивана.

– Действительно, незаурядный человек! – сказал Степан Александрович. – Удачи в переговорах!

– Не прощаюсь. – Вячеслав Станиславович махнул рукой и вышел из зала.

Оказавшись в коридоре, Вячеслав Станиславович широко зашагал по бежевому ламинату, несколько раз повернул и через две минуты открыл дверь приемной Прохора Петровича.

– Добрый день! – поздоровался с Анечкой и взглянул на дверь кабинета: – Начали уже?

– Только что. Заходите.

Вячеслав Станиславович мельком взглянул на себя в зеркало, поправил галстук, постучал в массивную дверь:

– Разрешите, Прохор Петрович? – заглянул в кабинет.

– Проходите, проходите, – разрешил Прохор Петрович.

Вячеслав Станиславович приблизился к столу, за которым кроме самого Прохора Петровича сидел еще один мужчина. По его лицу сразу было видно, что он иностранец.

– Деррик. – Иностранец представился и пожал руку Вячеславу Станиславовичу.

– Не удивляйтесь, – Прохор Петрович посмотрел на Вячеслава Станиславовича, – мистер Деррик давно ведет у нас бизнес. Переводчик нам не пригодится.

Мистер Деррик оказался главой крупной компании, которая занималась родственными для корпорации Прохора Петровича темами. Полгода назад Прохор Петрович познакомился с ним во время одной из своих зарубежных командировок, а теперь Деррик приехал поучаствовать в конференции, на которой солировала Елена Аристарховна.

Когда Вячеслав Станиславович вошел, беседа крутилась вокруг нейтральной темы искусства. Деррик действительно свободно говорил на иностранном для себя языке, иногда только его обороты казались непривычными.

– Раз вы увлекаетесь живописью, – говорил Прохор Петрович, – советую вам посетить нашу картинную галерею. Там подлинные шедевры!

– Я уже был, но пойду и еще, – отвечал иностранец, – даже мимо деловой программы не откажу себе в этой радости: работы ваших мастеров есть и в моей коллекции. Мои картины не такие знаменитые, но кисть одна.

– А вы какое направление собираете? – спросил для поддержания разговора Вячеслав Станиславович, ничего не смыслящий в живописи.

– Я подбираю разные стили. Главное, чтобы живопись была настоящей...

– Понимаю, – элегантно улыбнулся Вячеслав Станиславович, – подделки никому не нужны.

– Наверное, не понимаете, – поправил мистер Деррик Вячеслава Станиславовича, – я не про подделки. Я говорю про настоящее искусство.

– А-а... – удивился Вячеслав Станиславович. – А как же вы различаете, какая картина настоящая, а какая не очень? По стоимости?

– Деньги? – усмехнулся мистер Деррик. – Нет! Цена здесь не важна. Я же сам ее формирую.

– Вот это любопытно, – вступил в разговор Прохор Петрович, – вы управляете ценами на картины художников? А как же рынок?

– Вам ли не знать, достойный Прохор Петрович, – засмеялся Деррик, – что любой рынок – это всего лишь люди, и двигает ими психология, часто примитивная. Подыгрывая человеческому тщеславию, жадности и глупости, можно создать любые запросы, а потом и назначить их стоимость. Даже на утилитарные вещи цена нередко зависит от биржевых, другим словом, интуитивных настроений. Зачем говорить про субстанции эфемерные, которые нельзя измерить в баррелях или тоннах? Картина будет стоить столько, сколько я за нее буду платить. Или такие, как я, и нас не очень много. И тогда шедевр великого Клода Моне может стоить значительно меньше, – мистер Деррик на мгновение задумался, – например, какого-нибудь кислотного портрета Энди Уорхола.

– Так это плохо, наверное? – спросил Вячеслав Станиславович.

– Почему же плохо? – удивился Деррик. – Наоборот очень даже хорошо.

– Я что-то тоже не пойму, – признался Прохор Петрович, – запутали вы нас совсем. Что же хорошего в том, что бездарные картинки стоят дороже шедевров?

– Так это они для богатых дураков стоят дороже. Разве умный человек отдаст сотни миллионов за детские рисунки? – Мистер Деррик с недоумением смотрел на своих потенциальных партнеров по бизнесу.

– Но как же удастся убедить состоятельных, а значит, не совсем уж глупых людей выкладывать такие суммы за... – Вячеслав Станиславович замялся.

– За полную ерунду, – подсказал мистер Деррик.

– Да, если мягко выражаться, – согласился Вячеслав Станиславович.

– Дело в том, – Деррик откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу, – что в каждом обществе живут несколько разных обществ, которые пересекаются, но не проникают друг в друга. И главное различие в них не деньги, не принадлежность к властной элите, а интеллект и глубина восприятия окружающего мира. Соединяются они редко, только во времена общих крупных радостей или больших страхов. А в обычной жизни у каждого из них свои развлечения, своя культура, свои смыслы. Если сказать совсем упрощенно, то одни воспринимают все вокруг на уровне рэпа и детского рисунка, а другие на уровне Моцарта и Теслы. Конечно, есть и промежуточные варианты. Но большинство воспринимает все вокруг как раз на уровне незамысловатом. Не только живопись, но и музыку, и литературу, и бизнес, и политику, и гастрономию. И сами отношения между людьми. Да и вообще всё. Ну что же делать, если они такими рождаются?! – развел руками мистер Деррик. – Они же в этом не виноваты!

– А как же образование? – спросил Вячеслав Станиславович. – Оно же и призвано сглаживать некоторое интеллектуальное неравноправие.

– Бросьте, – махнул рукой Деррик, – никакое, даже самое блестящее, образование не сделает умного из дурака! В лучшем случае начистит его до блеска. Поверьте, глупых людей заметно больше, чем принято мыслить, потому что даже многие из тех, кто кажутся умными, на самом деле глупцы.

– И что же с этим делать? – поинтересовался Прохор Петрович.

– А зачем с этим что-то делать? – пожал плечами Деррик. – Это просто часть нашей жизни. Чем проще человек, тем примитивнее идеалы ему нужны. Сложных он просто не поймет, посчитает ненужной глупостью, да еще и обидится. Но если человек не глубоко чувствует, это не значит, что он не хочет быть причастен к чему-то великому. И тогда ему предлагается то, что он способен воспринять, например, «детские» рисунки Анри Руссо. Но какой смысл в «детских» рисунках, которые ничего не стоят? Другое дело «детские» рисунки за несколько миллионов долларов! К ним невольно возникает уважение.

– То есть вы придумываете бессмысленные «шедевры» и зарабатываете на дураках? – догадался Вячеслав Станиславович.

– Дураки для бизнеса вообще очень полезны, – кивнул мистер Деррик, – только придумывать ничего не надо. Любителей примитивного самовыражения и так полно. Нужно просто выбрать самых активных, поддержать их, вложить немного средств. И дело само закрутится. Когда у чего-то появляется цена, то интерес возникает моментально. Сначала найдутся эксперты, которые заработают на том, что убедительно расскажут, почему детский рисунок Маши или Гретхен из школы номер пятнадцать не стоит ничего, а точно такой же рисунок Руссо продается за пять миллионов.

– А вы еще поможете им в продвижении их мнений и заплатите хорошие гонорары... – вставил Вячеслав Станиславович.

– Потом, – кивнул улыбающийся мистер Деррик, – потом появятся искусствоведы, которые будут защищать диссертации и делать себе имя на новых «талантах». А еще подтянутся галеристы, аукционисты, журналисты, которым всегда нужно о чем-то написать. И чем больший ажиотаж возникает вокруг этой нелепицы, тем дороже она становится. Не дураки же их покупают, думают дураки, и начинают вкладывать в них свои средства. У дураков ведь своего мнения нет, они всегда питаются падалью чужих мыслей. И особенная прелесть заключается в том, что при этом ни один дурак себя дураком никогда не считает.

– Так это же просто деньги из воздуха! – догадался Вячеслав Станиславович.

– Ну вот, – улыбнулся мистер Деррик, – а вы говорили, что высокая цена бездарных рисунков – это плохо.

– Но почему не раскручивать талантливых художников? – Прохор Петрович нахмурился.

– Так я сказал уже: не все поймут, – Деррик внимательно смотрел на Прохора Петровича, – чем примитивней идея, тем больше людей в нее верят. Да и гении рождаются не каждый день. Так зачем отдавать шедевры глупцам, которые их даже не оценят?

– Неужели так просто все? – Вячеслав Станиславович восхищенно смотрел на мистера Деррика.

– Конечно, – кивнул Деррик, – как и все великое. Мы просто зарабатываем на интеллектуальных увлечениях не очень интеллектуальных людей. Наполни дурака мыслями – и он будет искренне считать их своими.

– Тогда у нас почти все дураки, – произнес Прохор Петрович и добавил: – А что делать, если в коллекции, скажем, есть уже рисунок Руссо?

– Радоваться, что у вас в руках дорогая безделушка.

– Это не у меня, – запротестовал Прохор Петрович, – у приятеля одного.

– Я и не настаиваю, – согласился мистер Деррик. – Посоветуйте другу, пусть нахваливает свой «шедевр», набивает ему цену и ждет своих дураков...

– А почему вы так легко раскрываете нам эти секреты? – Прохор Петрович подозрительно взглянул на мистера Деррика.

– Да какие же это секреты?! – усмехнулся Деррик. – Эту правду никто особенно и не прячет. Только поверить в нее непросто, особенно если в гостиной над камином висит «детский» рисунок, за который ты выложил миллион долларов. Или твоя карьера искусствоведа построена на восхищении беспорядочными цветовыми пятнами. Да и общественное мнение

не позволит. Оно даже меня растопчет, если я вдруг скажу, что картины Уорхола – бездарный и бессмысленный китч. И никто при этом не вспомнит, – на лице мистера Деррика промелькнула грустная улыбка, – что миф о его гениальности им внушил мой отец, раскрутивший этого нелепого рекламщика.

Кабинет наполнила удивленная тишина.

– Да, – негромко продолжил Деррик, – оригинальная, прикольная глупость у людей поверхностных часто ценится выше настоящего таланта. До его понимания нужно еще дозреть, а прикол и дураку понятен.

Дверь в кабинет приоткрылась, и на пороге появилась Елена Аристарховна:

– Прохор Петрович, не помешаю?

– Заходи, – махнул рукой Прохор Петрович, – знакомься.

– Елена Аристарховна, вы уже завершили выступление? – спросил Вячеслав Станиславович, когда она поздоровалась с мистером Дерриком.

– Естественно, завершила, раз я здесь. – Елена Аристарховна насмешливо взглянула на Вячеслава Станиславовича. – Разве может быть по-другому? Чуть с ума не сошла, пока разъясняла аудитории элементарные вещи. Но в итоге поняли, ни одного вопроса не задали.

Деррик внимательно смотрел на Елену Аристарховну.

– А что вы обсуждаете? – поинтересовалась Елена Аристарховна.

– Мы говорили про тенденции в современной живописи, – обтекаемо объяснил Вячеслав Станиславович.

– Как здорово! – обрадовалась чему-то Елена Аристарховна. – Прохор Петрович у нас тоже картины коллекционирует!

– Да брось, Лена! – махнул рукой Прохор Петрович. – Не стоит акцентировать внимание на моем маленьком хобби.

– Ну, не скромничайте, Прохор Петрович, – настаивала Елена Аристарховна, – у вас солидная коллекция. Я помню, вы даже каким-то Руссо хвастались!

– Все-таки и у вас есть? – заулыбался мистер Деррик.

– Заваялся где-то небольшой рисунок. – От стыда и злости крупное лицо Прохора Петровича стало наливаясь свекольным цветом.

– Да он же в гостиной на самом видном месте висит! – не унималась дотошная Елена Аристарховна.

Вячеслав Станиславович подумал, не пнуть ли Елену Аристарховну ногой под столом, но потом решил, что может выйти еще хуже. Да и безнаказанно понаблюдать за неожиданным позором Прохора Петровича было очень занятно.

– Что-то слишком углубились мы в посторонние темы, – Прохор Петрович начал переключать на столе какие-то бумаги, – давайте перейдем уже к обсуждению потенциальных проектов.

Но Деррик достал свой смартфон:

– Вы не поверите, – он заговорил быстрее обычного, – но ваша Елена...

– ...Аристарховна, – подсказал Вячеслав Станиславович.

– Елена Аристарховна восхитительно похожа на мою прабабку! У вас нет иностранных корней? – повернулся к ней Деррик.

– Не знаю, не искала, – заулыбалась Елена Аристарховна. – Но чего только не найдешь в человеке, если захочешь.

– Но это правда поразительно! – не сдавался Деррик. – И национальность другая, и эпоха... А как похожи! Я сейчас покажу. – Он уже листал смартфон в поисках своей прабабки.

– Это говорит о том, – дипломатично заполнил паузу Вячеслав Станиславович, – что нас очень многое связывает и мы правильно поступаем, что пытаемся развивать взаимовыгодные отношения.

– Вот! – Мистер Деррик нашел прабабку и положил смартфон на стол. – Сами посмотрите!

Елена Аристарховна и Вячеслав Станиславович наклонились над экраном. На слегка потемневшем от времени портрете была изображена женщина с пышной прической, тонкими, надменно поджатыми губами, небольшими глазками.

– Ну нет, – разочарованно произнесла Елена Аристарховна, – не вижу я сходства. И волосы у нее темные, и нос другой.

– Волосы не главное! – жестикулировал Деррик. – На выражение лица обратите внимание! И рассказывают, что была такая же... – мистер Деррик на мгновение замялся, подбирая слова, – могла очень подробно говорить на любые темы!

– Талант красноречия еще не говорит о внешнем сходстве. – Глуповатое выражение лица иностранки не нравилось Елене Аристарховне. – Нет, я совсем другая!

– А все-таки есть что-то общее, – не удержался Вячеслав Станиславович.

Мистер Деррик спрятал смартфон в карман пиджака, неожиданно посмотрел на часы и поднялся:

– Извините, господа. Время за приятной беседой улетело быстро! Через полчаса меня ждет наш посол. Не могу опаздывать. Был рад познакомиться, – он уже по очереди пожимал руки Прохору Петровичу и Вячеславу Станиславовичу, – надеюсь, мы еще сможем обсудить наши проекты.

Когда двери за гостем закрылись, Прохор Петрович молча вернулся к своему столу и сел в кресло. Молчали и Вячеслав Станиславович с Еленой Аристарховной.

– А я так и не понял, – наконец осторожно спросил Вячеслав Станиславович, – чего он хотел-то?

– Да дураков из нас сделать хотел! – Прохор Петрович с размаху хлопнул ладонью по столу – Приехал тут советовать: это продавайте, это не покупайте! Всё какие-то заумные глупости свои... А про инвестиции ни слова!

– А меня еще с бабкой какой-то сравнил! – Елена Аристарховна поддержала возмущение своего начальника. – Что между нами может быть общего?

Прохор Петрович откинулся на спинку своего большого кресла, немного успокоился:

– Ладно, бог с ним, – посмотрел на Елену Аристарховну, – видно, и у них там не все умные. Не обращай внимания, Лена.

– Да, глупость в границы не запрешь, – вздохнул Вячеслав Станиславович.

Главной темой последней недели, которая обсуждалась на всех этажах корпорации, была, конечно, отставка министра. Каждый сотрудник, независимо от должности и зарплаты, примеривал на себя ее возможные последствия.

И всю эту неделю Прохор Петрович заставлял своих заместителей питаться непроверенными слухами, отменив все внутренние совещания и передав только через свою секретаршу, что активно консультируется в правительстве и сообщит все в нужное время. Тревожность ситуации подтверждало и прекращение закрытых летучек Прохора Петровича с Анечкой, которые традиционно проводились по вторникам и пятницам. В эти дни Степан Александрович специально заглядывал в приемную под разными предлогами и каждый раз заставлял приемную открытой, а саму Анечку грустной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.